Дюк Степанович (11)

Вывел Дюк Степанович коня доброго,
На коня руки накладыват — у коня туша гнетца;
Шапочку наложил двадцать пять пудов,
Перчаточки одел тоже двадцать пять пудов,
А сапожки одел — те сто пудов.
Накладыват руки на своего коня доброго,
У того туша гнётца.
Проговорил конь, туша добрая:
«Ласковой хозяин, Дюк Степанович,
Не сходить будет в Ярослав-город,
Не сносить будет тя, добра молодца,
Широки печоры хвостом не выкрати,
А больше моря во скок не выбрати,
Выкопай погреб в девять сажень,
Направь ты лестницу в девять ступень,
Насыпь мне пшена белоя́рова и пой, корми меня,
На девятой заре меня прока́тывай.
Слуги-те у тя были неверные,
Неверные были да измененные:
Сеном-то кормили осо́тенным,
А водой-то поили болотенной».
Выкопал Дюк Степанович погреб деветь саже́н,
Направил лестницу деветь ступень,
Насыпал пшена белоярого,
Кормил-поил, а на девятой заре прокатывал.
Шесть недель кормил, ухаживал,
Вывел своего добра коня
Ехать да в Ярославль-город,
Стал коня по спине потяпывать,
У коня спина так и здымаетце — бежать хочет,
Садился он да на добра коня —
Не видели поездки молодецкоей,
Только видели: курева в поли стоит,
Курева стоит, да дым столбом валит.
Приехал в Ярославль-город.

Коня завязал к церковному столбу, службу служат они господню, и он на службу встал. Отслужили
и стали со службы выходить. Тут князь Владимир и кланяетце:
«Пожалуйста, — говорит, — проходите
ко мне, пообедайте, чего Бог послал». Пошли обедать.

Дюк Степанович нижнюю корочку под стол кладет,
А верхнюю корочку на стол кладет,
Ест одну середочку,
Князю Владимиру тут неловко стало:
«Откуль, говорит, ты приехал, какая ты невежа?» —
«У моей-то, говорит, матушки Оме́лфы Тимофеевны
Калачики-то ешь — да пуще хоцетца,
По второму съешь — так пуще хоцетца,
А по третьему — то душа болит».

Тут они стали на спор походить, князья и бояры стали боротьца, и Дюк Степанович всех повыметал.
Стали правдатьца — он всих повыправдал: конь широки́ печоры хвостом выкрыл, больши моря в ускок
выбрал, солнышка батюшка Владимира вытащил с конём на землю из воды.

Сошлись они, съехались, сдумали у его коня отбирать. Он говорит: «Седте, посадите кого на моего
коня». Посадили Микитича Добрынюшку. Микитич Добрынюшка шапочку его не может нести, шапочку
Дюкову, она весит двадцать пять пудов, перчаточки не может опеть снести, тяжелы кажутца.

Письмо написал жены да матери, да и поехал спроведывать, каков дом да каково место. Сидит он.
Подъехал к ихнему дому. Маменька говорит ронная: «Не наш сидит Дюк Степанович». А Добрынюшка
сидел там. Зашел пить и ись да за столом и заспал. Жена [Дюка] его взяла да и в свою спальню и снесла
спать. Трое сутки спал, проспался да и говорит: «Надо быть, я долгонько спал, трое суточки спал».

Все высмотрел — подики медяные, а помелышки шелковые,
Городом назвать — так мал добре,
А теремом назвать — так велик добре.

Тут поехал он туда, где Дюк был посажен, в тюрьму посажен был. Поехал конем он обратно, назад.
Приехал, привёз записки. Потом посмотрели да выпустили его. Сел он на своего коня и поехал домой.
Приезжал. Мать и жена срадовалися — стрецали со слезами со горяцима. «Не плачьте, маменька родима
и жена молода, приехал я жив да здоров». Стали жить да поживать. (*И я боле ничего не знаю врать.*)

(Зап. Разумовой А. П.: авг. 1942 г., д. Уег Усть-Цилемского р-на — от Дуркиной Марфы Дмитреевны, 70 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.